

ПЧЕЛКА

ЖУРНАЛЪ
 ДЛЯ
 ДѢТЕЙ
 МЛАДШАГО
 ВОЗРАСТА.

СОДЕРЖАНІЕ:

Воробей. Стихотвореніе Ф. Шкулева	Стр. 37
Честолюбивая Роза. Сказка Уйда	38
Въ гостяхъ. Рисунокъ	51
Колыбельная пѣсня. Стихотвореніе О. Арнольда	60
„Баюшки, баюшки, бай!..“ Рисунокъ	61
ИЗЪ ЖИЗНИ ПРИРОДЫ. Забавы и игрушки у животныхъ. II. Шалости, танцы и игры у обезьянъ. Н. А. Скворцова. Съ рис.	62
ВЕСЕЛЫЯ СТРАНИЧКИ. Комическіе рисунки со стихами. „Сами виноваты“!. В. Бушневскаго	68

При № 3-мъ всѣмъ подписчикамъ „Пчелки“ будетъ выслана

2-я бесплатная
премія:

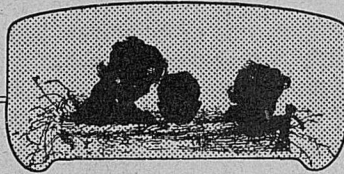
„Художникъ-Крошка“,

новѣйшая школа рисованія карандашомъ и красками.

ПЧЕЛКА

ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ

МЛАДШАГО
ВОЗРАСТА.

№ 2-й

16 января 1906 г.

Воробей.

*Распушился на дорогъ
Крошка сѣрый воробей,
Озирается, въ тревогъ
Сторонится отъ людей.*

*Плохо бѣдному зимою,
Холодно среди снѣговъ:
То ли теплою весною
Въ пышной зелени деревъ.*

*Иль по нивамъ плодороднымъ
Въ лѣто ясное порхать
И питательныя зерна
По колосьямъ собирать.*

*Не тужи, воробко-крошка,
Скоро вновь придетъ весна;
А теперь лети къ окошку,
Дамъ я хлѣба и зерна!*

Ф. Шкулевъ.

Честолюбивая роза.

СКАЗКА УЙДА.

Переводъ Л. Б. Хавкиной.

Эта была роза, такъ называемая Дамасская, или «Четыре времени года».

Она жила въ чудномъ старомъ саду, рядомъ съ великолѣпными магноліями. Конечно, большія величественныя магноліи нѣсколько заслоняли розу, но всѣмъ извѣстно, что гораздо пріятнѣе находится въ

такой тѣни, чѣмъ подь зауряднымъ дневнымъ свѣтомъ. Затѣмъ жуки охотнѣе пожирали большіе и пышные цвѣты магноліи, для розы это было прямой выгодой. Сама она прислонялась къ стѣнѣ оранжереи, по которой вилась живая и дѣятельная простушка банксія, и высокомѣрная роза презрительно относилась къ своей сосѣдкѣ.

Банксіи могутъ прививаться и цвѣсти гдѣ угодно: это очень покладистыя созданія. Если ихъ обрѣзать, онѣ опять отрастутъ, что указываетъ на ихъ грубую низменную натуру. Онѣ улыбались апрѣльскому дню и такъ весело потряхивали своими золотистыми цвѣточками, что роза, сама сдержанная и колючая, не желала даже разговаривать съ ними. Она отличалась непомерной гордостью, гораздо большей, чѣмъ подобало ея происхожденію. Между тѣмъ неумолимая судьба приковала ее къ стѣнѣ оранжереи, куда приходилъ только садовникъ и его помощники, чтобы зимою внести, а весною вынести померанцевыя деревья или поливать ихъ, пока они стояли въ теплицѣ.

Роза была хороша собою и знала это. Однако въ саду было столько цвѣтовъ, что ей никакъ не удавалось выдѣлиться. Она цвѣла около Рождества такъ же пышно, какъ среди лѣта, но никто не смотрѣлъ на нее и не любовался ею. Роза грустила и была несчастлива.

Банкси со свойственной имъ откровенностью и прямою говорили ей, что она не умѣетъ цѣнить своей завидной доли.

— У тебя есть все, чего только можетъ пожелать душа розы: великолѣпная старая стѣна безъ малѣйшей трещины, заботливый садовникъ, который снимаетъ всѣхъ гусеницъ съ бутоновъ и не даетъ имъ испортить ни одного лепестка. Ты имѣешь вдоволь солнца и воды и хорошій уходъ. Никто не срѣзаетъ твоихъ цвѣтовъ. Чего же еще нужно? Эта оранжерея—настоящій рай.

Роза не отвѣчала.

Ея гордость была оскорблена именно тѣмъ, что никто не срѣзалъ ея цвѣтовъ. Изъ дня въ день, изъ года въ годъ она покрывалась пышными ярко-красными цвѣтами, но никто не любовался ими, и она готова была умереть отъ стыда и униженія.

Неужели жъ ее никогда не оцѣнятъ?

Дѣло въ томъ, что въ саду было также множество чудныхъ и рѣдкихъ розъ, что обыкновенная, хотя и пышная Дамасская роза не привлекала ничего вниманія. Она красива, но другіе были еще красивѣе, или, по крайней мѣрѣ, моднѣе.

Въ уединенномъ уголкѣ сада она страдала, какъ свѣтская женщина, у которой ничего нѣтъ, кромѣ

красоты, а между тѣмъ этого недостаточно, чтобы блистать въ обществѣ. Дамасская роза хотѣла выдѣлиться во что бы то ни стало и мечтала объ этомъ съ утра до ночи.

Со своей стѣны она видѣла за зеленой лужайкой большія клумбы, разбитыя передъ домомъ. Тамъ красовались всѣ самыя знатныя розы: Величественная Динсонская Слава, урожденная королева, царственный Нифетось, Принцесса Аделаида, Графиня Уварова, золотистая Виконтесса де Казъ, бѣлоснѣжная Госпожа де Сембрель, красавица Луиза Савойская, очаровательная Герцогиня Девонширская,—однимъ словомъ, аристократки, до которыхъ ей было далеко, какъ до звѣздъ небесныхъ. Дамасская роза охотно отдала бы свой яркій румянецъ за желтизну Принцессы Аделаиды или за блѣдность Герцогини Девонширской.

Она все дѣлала, чтобы поблѣднѣть, и упрашивала пчель, чтобы онѣ помогли ей своимъ искусствомъ. Но пчелы отличались дурнымъ вкусомъ и берегли свои бѣлила, румяна и другія косметики для такихъ простушекъ, какъ буквица, лютикъ, огуречная трава, и ничуть не заботились о ея туалетѣ.

Однажды садовникъ остановился и внимательно посмотрѣлъ на нее; потомъ она вдругъ почувствовала прикосновеніе его остраго ножа и сильную боль въ стеблѣ. Это было нѣчто совершенно новое для нея.

— Что со мной?—спросила она одну изъ маленькихъ банксій. Ей было нехорошо, а кому нездоровится, тому ужъ не до спеси.

Дерзкія банксии засмѣялись, раскачиваясь на своихъ проволокахъ.

— Твое желаніе исполнилось,—сказали онѣ,—ты будешь важной персоной. Тебя превращаютъ въ Индійскую розу.

Въ Индійскую розу! Возможно ли это? Неужели она, наконецъ, войдетъ въ то знатное аристократическое общество, о которомъ всегда мечтала? Значить, она теперь ужъ не простая Дамасская роза? У нея даже духъ захватило. Она думала, что это отъ счастья, но въ дѣйствительности это было отъ тугой повязки, которую наложилъ садовникъ.

— «О, какая радость!»—думала она, и хоть еще чувствовала себя очень дурно, однако ни за что на свѣтѣ въ этомъ не призналась бы банксіямъ.

Садовникъ привилъ къ ней тонкій черенокъ, который давилъ и беспокоилъ ее; но она говорила себѣ, что это модная вещь, и стойко переносила страданія.

Банкси освѣдомлялись о ея здоровьи, но она даже не удостоила ихъ отвѣтомъ.

Прилетѣлъ дроздъ, который часто клевалъ личинокъ съ ея листьевъ, и запѣлъ ей привѣтливую пѣсенку, но она упорно молчала. Что за дѣло Индійской розѣ до какого-то дрозда.

— Ну, въ другой разъ пусть тебя ѣдятъ гусеницы за мое здоровье — сказалъ недовольный дроздъ и улетѣлъ.

Это была черная неблагодарность съ ея стороны, такъ какъ дроздъ не разъ оказывалъ ей услуги, уничтожая червячковъ, жуковъ и гусеницъ, прятавшихся въ ея листьяхъ. Добрый дроздъ съ другими пернатыми товарищами всегда былъ занятъ этой полезной работой, и хорошіе благодарные цвѣты за это любили ихъ. Однако гордая Дамасская роза прониклась къ нему презрѣніемъ, стала считать его несноснымъ, надѣдливымъ и, наконецъ, выразила пожеланіе, чтобъ его съѣла кошка.

— Какая ты счастливая, — сказалъ ей какъ-то дроздъ. — Нѣтъ розы сильнѣе и красивѣе тебя, за исключеніемъ развѣ... шиповника.

Съ этого дня она его окончателью возненавидѣла. Какъ можно ставить ее на одну доску съ подзаборнымъ шиповникомъ!

Вы посмѣялись бы, если бы увидѣли розу въ пылу гнѣва. Что можетъ быть смѣшнѣе розы, которая хочетъ дать пощечину дрозду.

Впрочемъ, вы, вѣроятно, подумали бы, что просто вѣтеръ колышетъ розовый кустъ, и не нашли бы въ этомъ ничего смѣшного. А ужъ самой-то розѣ вовсе не было смѣшно, такъ какъ рана, нанесенная самолюбію, заживаетъ еще медленнѣе, чѣмъ огнестрѣльная рана.

Съ той поры ни дроздъ ни его родные и знакомые не приближались къ розѣ. А она испытывала жгучія боли отъ того, что мелкія насѣкомыя клали свои яички на ея стебелекъ. Птицы давно поклевали бы эти яички, если бы она не разогнала ихъ своимъ высококомѣрнымъ обращеніемъ.

Собственно она даже радовалась тому, что хворала, и думала, что сдѣлается отъ этого блѣднѣе и интереснѣе. О, если бы только поблѣднѣть! Но—увы!—ея яркій розовый цвѣтъ не измѣнялся.

Прошла зима. Опять наступило лѣто, и коли-

ровка оказала свое дѣйствіе. Она сдѣлалась-таки Индійской розой и попробовала цвѣсти. Первый маленькій желтоватый бутончикъ не былъ похожъ на ея прежніе пышные бутоны, но онъ казался гораздо красивѣе и нѣжнѣе.

Едва онъ раскрылся, какъ садовникъ срѣзалъ его своимъ ножомъ и унесъ, какъ доказательство своего умѣнья измѣнять породы цвѣтовъ.

Пока она была Дамасской розой, ей неизвѣстно было, что такое ножъ. Теперь она очень страдала, просто сердце ея обливалось кровью.

— Чтобы быть красивой, приходится страдать, — сказали банксіи, добродушно стараясь ее утѣшить.

Роза не отвѣчала, дѣлая видъ, что ея слезы — только капли росы, хотя ужъ былъ полдень и солнце, которое къ этому времени уже успѣваетъ устать, поднимаясь по небу, и почувствовать жажду, выпилъ всю росу.

Слѣдующій бутонъ былъ гораздо красивѣе, но и его отхватилъ ножъ. Въ теченіе лѣта на ней появлялось много бутоновъ, но ихъ срѣзали, чтобъ укрѣпить новую породу.

Если съ розоваго куста срѣзаютъ или срываютъ цвѣтокъ, то онъ такъ страдаетъ, какъ мы, смертные, когда теряемъ палецъ. Розовый кустъ отличается утон-

ченнымъ строеніемъ и обладаетъ однимъ свойствомъ, котораго нѣтъ у людей. Онъ живетъ и чувствуетъ всѣми своими цвѣтами, и если срѣзать одинъ изъ нихъ, то страдаютъ также и остальные. Вамъ это кажется удивительнымъ? Напрасно. Это ничуть не удивительнѣе того, что отрубленный хвостъ ящерицы самъ бѣгаетъ или что собака чуетъ врага на далекомъ разстояніи. Все это удивительно для однихъ и не удивительно для другихъ.

Вскорѣ у розы появился еще одинъ цвѣтокъ, на этотъ разъ необыкновенно красивый, замѣчательный по формѣ и окраскѣ.

— Я въ своей жизни ничего прелестнѣе не видѣла,—сказала пестрая бабочка, подлетѣвшая къ ней; но въ это время ножъ садовника снялъ бутонъ.

— Барыня пожелала имѣть розу къ платью, онѣ сегодня идутъ въ оперу,—сказалъ садовника своему помощнику, унося юную чайную розу.

— Что такое опера?—устало спросила бабочка розовый кустъ.

Бабочка не знала, но ея кузина, мертвая голова спавшая подъ листомъ магноліи, выглянула и съ какой-то странной улыбкой сказала:

— Ахъ, это тамъ, гдѣ все умираетъ въ десять секундъ. Это большой огненный кругъ. Изъ моихъ знакомыхъ многіе туда летали, но назадъ никогда н

возвращались. Твоя дочь вся счастливая и погибнетъ. Знай, что слава даромъ не достается.

Роза такъ и содрогнулась, но все же не утратила гордости и старалась думать, что все это говорится лишь изъ зависти.

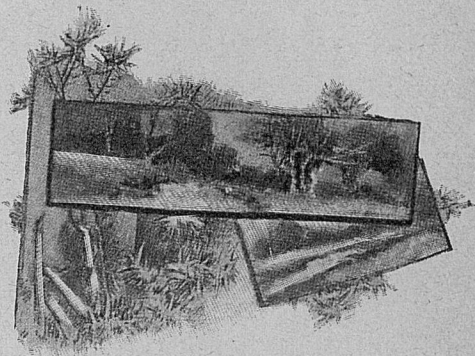
Что можетъ знать старая мертвая голова, у которой глаза такъ слабы, что малѣйшій свѣтъ ихъ ослѣпляетъ?

И роза вытянулась еще выше, дѣлая видъ, что даже не замѣчаетъ, какъ банксии ей кланяются. А прежній другъ-дроздъ, подпрыгивавшій и охотившійся за червячками и личинками, казался ей удивительно вульгарнымъ. Ну, какой же у него противный желтый клювъ! Она отвернулась, чтобы не видѣть его, и негодовала, что онъ все-таки пѣлъ и леталъ около нея, не замѣчая ея холодности или не придавая ей значенія.

Съ каждымъ лѣтомъ Дамасская роза все явственнѣе превращалась въ Индійскую, но вмѣстѣ съ красотою и славою возрастали и ея страданія.

Правда, люди постоянно приходили любоваться ею, особенно въ маѣ, и громко восклицали:

— Ахъ, какая прелесть!

Зато у нея отнимали всѣхъ дѣтей, такъ какъ ея порода цѣнилась. Цвѣты шли умирать, одинъ въ душевной бальной залѣ, другой въ севрской вазѣ, которая была великолѣпна снаружи, но наполнена застоявшейся водой, иные задохнулись въ убійственномъ воздухѣ такъ называемой оперной ложи, другіе были задавлены брильянтовыми брошками на корсажѣ знатной дамы. Такъ или иначе, но всѣ погибали. Сама она потеряла свою когда-то роскошную темную зелень, которая замѣнилась жидкими коричневыми листочками. Рѣдкій день проходилъ, чтобъ ее не ранилъ ножъ. Когда ножу нечего было снимать, она выглядѣла жалкой и общипанной. Въ довершеніе всего она утратила прежнюю способность цвѣсти и благоухать круглый годъ.

Въ одинъ прекрасный день ее вынули изъ грунта перенесли въ стеклянный домъ, посадили въ большой горшокъ и поставили на возвышеніи. Она очутилась въ благоухающей атмосферѣ среди аристократическихъ растений съ длинными латинскими названіями и рѣдкихъ красавицъ розъ. Въ этомъ хрустальномъ дворцѣ она вся покрылась цвѣтами. Она такъ возгордилась что совсѣмъ забыла о своемъ происхожденіи и постоянно твердила:

— Какая я знатная! Какая я знатная!

Между тѣмъ она могла бы видѣть, что кровныя аристократки Герцогиня Девонширская и Луиза Савойская никогда этого не дѣлали. Но она не замѣчала ничего, кромѣ своей красоты, которая отражалась въ зеркалѣ на противоположной стѣнѣ оранжереи. Ея цвѣты теперь достигли совершенства, и ножъ больше не прикасался къ нимъ. Хотя листва ея продолжала опадать, но она отъ этого сдѣлалась еще аристократичнѣе, — слѣдовательно, не о чемъ было горевать.

Однажды, когда красота ея достигла полнаго расцвѣта, она замѣтила, что цвѣты въ оранжереѣ наклоняются другъ къ другу и перешептываются:

— Кого возьмутъ?

— Возьмутъ, куда?

Цвѣты не разговаривали съ розой, такъ какъ она была новымъ членомъ общества и выскочкой, но изъ ихъ словъ она узнала, что въ домѣ, къ которому примыкала оранжерея, по случаю свадьбы готовится балъ. Каждый цвѣтокъ мечталъ, чтобъ его туда взяли. Азалии знали, что ихъ возьмутъ, такъ какъ онѣ уже были одѣты въ розовыя и красныя бальныя платья, но другіе цвѣты не питали такой увѣренности. Роза замирала отъ надежды и страха. Если ее не возьмутъ, то не стоитъ и жить, думала она. Она не имѣла предста-

вления о томъ, что такое балъ, но понимала, что тамъ можно показать себя во всемъ блескѣ.

Явился садовникъ и обошелъ всю оранжерею, осматривая цвѣтокъ за цвѣткомъ. Сердца учащенно бились. Только азалии не измѣнились въ цвѣтѣ и сохранили спокойствіе. Кто же можетъ обойтись безъ нихъ въ февралѣ мѣсяцѣ?

— О, возьми меня! возьми меня! возьми меня! — взывала роза изъ глубины своей тщеславной, горделивой души.

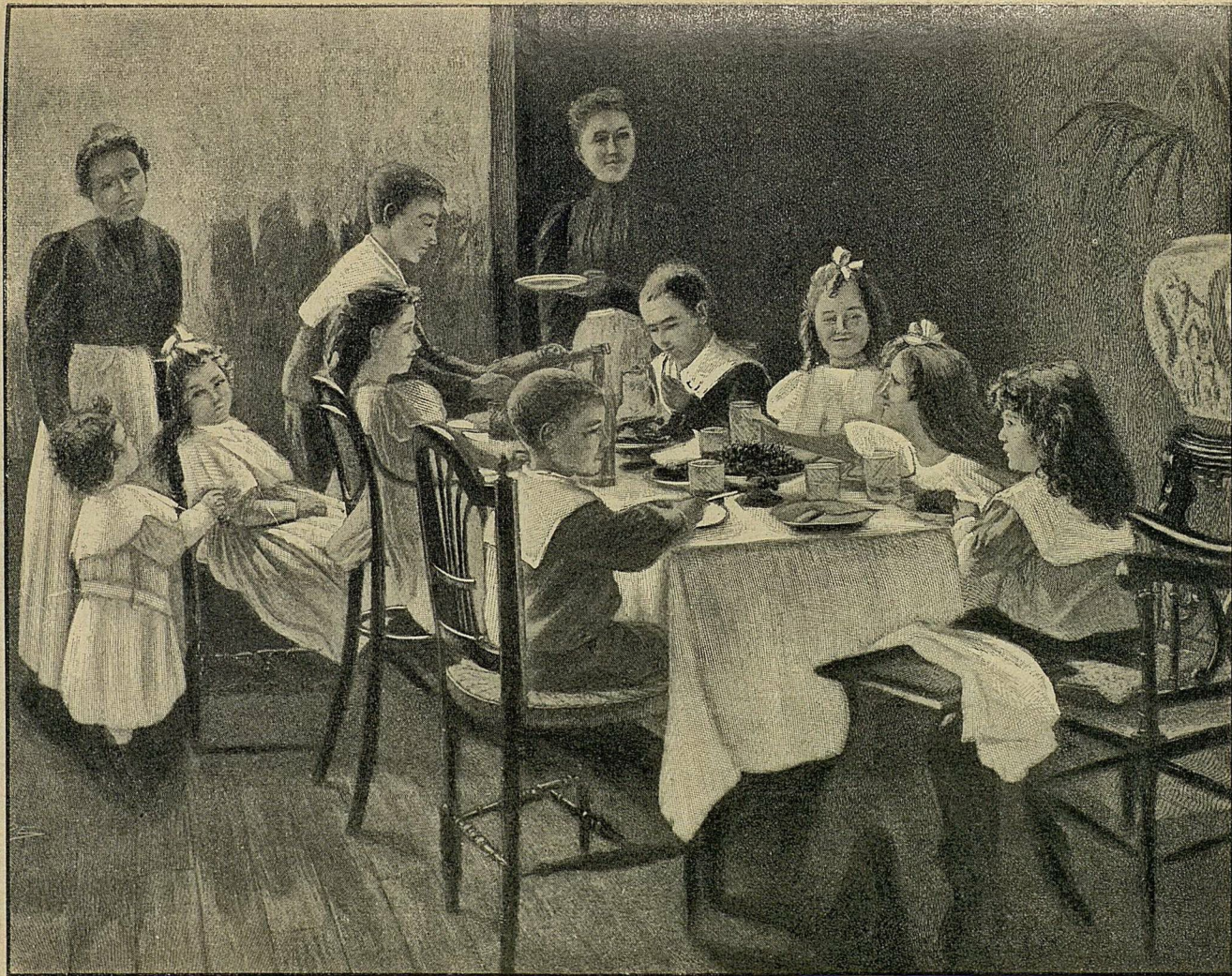
Ея желаніе исполнилось. Властелинъ судьбы цвѣтовъ — садовникъ — улыбнулся, остановившись передъ нею.

— Эта пойдетъ на почетное мѣсто, — сказалъ онъ. Вынувъ изъ горшка, гдѣ она помѣщалась, онъ положилъ ее на носилки и велѣлъ своимъ помощникамъ забрать ее. Даже азалии поблѣднѣли отъ зависти.

Сама роза не хотѣла ни на кого смотрѣть. Ее пронесли черезъ садъ мимо банксій, но она даже не кивнула имъ, а дрозду опять пожелала, чтобы его съѣлъ кошка: вѣдь онъ знаетъ ее, когда она еще была Дамасской розой.

Ее вмѣстѣ съ корнями накрыли мягкой рогожей и доставили въ большой домъ.

Домъ, дѣйствительно, былъ большой и роскошный

Въ гостяхъ.

Въ немъ устраивался дивный праздникъ, и какой-то иностранный принцъ съ принцессой должны были почтить хозяевъ своимъ присутствіемъ. Все это роза узнала еще изъ болтовни цвѣтовъ. Во дворцѣ, куда ее принесли, она увидѣла хлопоты и суматоху. Ливрейные лакеи сновали взадъ и впередъ, по террасамъ и лѣстницамъ, какъ ей казалось, на цѣлыя версты разстилались красные ковры. Принято думать, что царственныя особы любятъ ступать только по краснымъ коврамъ. Нашей розѣ этотъ яркій цвѣтъ очень понравился, и она уже заранѣе предвкушала райское блаженство.

Ее внесли въ большую залу съ куполообразнымъ потолкомъ. Онъ былъ расписанъ фресками около трехъ вѣковъ назадъ, но краски такъ хорошо сохранились, словно были наложены только наканунѣ. Въ концѣ комнаты стояло большое кресло, позолоченное и расписанное также три столѣтія тому назадъ. Оно было обито краснымъ бархатомъ съ красной бахромой и вытканными золотыми кузнечиками.

— Какимъ образомъ сюда попало это презрѣнное насѣкомое? — удивилась роза.

Она не знала, что родоначальникъ семейства давно-давно, во времена перваго крестоваго похода, находясь въ Палестинѣ, заснулъ однажды подъ палящимъ солнцемъ; его разбудилъ кузнечикъ, сѣвшій ему на вѣки.

и онъ едва успѣлъ надѣть латы и кинуться со своимъ отрядомъ на подскакавшихъ сарацинскихъ всадниковъ. Онъ одержалъ побѣду и въ благодарность за это включилъ смиреннаго обитателя полей въ свой гербъ.

Розу съ корнями посадили въ вазу—и какую вазу! Изъ голубого севрскаго фарфора съ бордюрами, завитками, чудной живописью и позолотой. Выситься въ ней на одинъ дюймъ было все равно, что въ другомъ мѣстѣ на четыре фута.

Чтобы описать ощущеніе розы, не хватило бы и цѣлой книги. Сердце ея такъ трепетало отъ восторга, что она чуть не растеряла своихъ лепестковъ; и только, призвавъ на помощь тщеславіе, она могла умѣрить свое волненіе. Садовники сняли значительную часть земли съ ея корней и почему-то переговаривались о томъ, что она можетъ отъ этого умереть. Но роза не придавала значенія ихъ словамъ. Ее посадили въ севрскую вазу, и она тѣшилась, какъ дама, надѣвающая дорогой бальный туалетъ.

Въ вазѣ роза чувствовала себя, какъ въ тѣсномъ платьѣ, и не могла дышать, но, какъ гласитъ старинная пословица, гордость подавляетъ страданіе, и, можетъ-быть, чѣмъ безмысленнѣе гордость, тѣмъ меньше чувствуется страданіе, по крайней мѣрѣ, въ первую минуту.

Ей прикрыли корни мхомъ и привязали ея вѣтки

къ золоченой рѣшеткѣ позади вазы. Роза была очень эффектна; она стояла на видномъ мѣстѣ и во весь ростъ отражалась въ огромномъ зеркалѣ. Теперь ей казалось, что она въ раю.

«Наконецъ - то, — думала она, — меня оцѣнили по заслугамъ».

Азалии столпились у ея подножія, какъ колѣнопреклоненные придворные; но ихъ даже не вынули изъ горшковъ, а только обернули мхомъ. Севрской вазы имъ не досталось, а онѣ такъ всегда важничали и такъ задирали носъ. Нѣтъ растенія тщеславнѣе азалии за исключеніемъ развѣ камеліи, самаго высококомѣрнаго цвѣтка въ мірѣ. Но зато камелія очень трудолюбива и подготавливаетъ свои зимніе бутоны уже въ самомъ разгарѣ лѣта, что слѣдуетъ признать очень благодарнымъ и достойнымъ подражанія.

Итакъ, Индійская роза въ севрской вазѣ стояла на видномъ мѣстѣ и торжествовала, а азалии завистливо шептали подъ нею:

— Все-таки она еще недавно была не болѣе, какъ Дамасской розой.

Да, *онѣ это знали!* Какая обида! Азалии знали, что она была когда-то Дамасской розой, и противныя злобныя листовенныя созданія пользовались случаемъ чтобы ее кольнуть.

Несмотря на всю свою славу, роза готова была заплакать съ досады и воскликнуть, какъ Θεμισстокль:

— Неужели никто намъ не дастъ забвенья?

Однако никто не могъ его дать, какъ азалии, поставленные ниже нея, не желали держать языковъ на привязи. Успѣхъ, однако, приводилъ ее въ упоеніе, и она ужъ сама стала вѣрить, что азалии все наговариваютъ и никогда въ жизни она не была простой садовой розой.

Подошли хозяйки дома и начали превозносить ее до небесъ. Подошли дѣти и захлопали въ ладоши, громко восхищаясь ея красотой. Влетѣла чудесная, большая зеленая птица, усѣлась противъ нея, свѣсила головку на бокъ и сказала:

— Душка Попка! Ахъ, душка Попка!

«Даже птицы обожаютъ меня здѣсь», думала роза, не подозрѣвая, что попугай говорилъ о самомъ себѣ.

Когда кто такъ тщеславенъ и такъ гордится своими совершенствами, какъ наша роза, то всякую похвалу принимаетъ на свой счетъ.

Стоя въ великолѣпной северской вазѣ, она готова была воскликнуть вмѣстѣ съ поэтомъ:

— Теперь міръ можетъ погибнуть!

Но—увы!—не міру суждено было погибнуть.

Подхожу къ концу этой печальной были.

Праздникъ начался съ большого обѣда. Хозяйка вошла подъ руку съ иностраннымъ принцемъ. И что же? Иностранный принцъ остановился передъ розой, взглянулъ на нее черезъ головы азалий и сказалъ, обращаясь къ своей дамѣ:

— Какая чудная у васъ роза! Это Нефетось, не правда ли?

А хозяйка, которая издавна знала ее какъ простую Дамасскую розу, отвѣтила:

— Да, ваше сіятельство, это Нефетось.

Это былъ верхъ блаженства. Роза думала, что изъ-за него стоило выстрадать отъ ножа садовника, утратить свое прежнее здоровье и способность цвѣсти круглый годъ. Она—настоящій Нефетось; значить, нѣтъ и намека на ея происхожденіе. И она стала думать, что такъ и родилась чайной розой.

Обѣдъ былъ парадный и длился безконечно. Гости блистали драгоценностями и орденами. Столъ ломился подъ тяжестью старинной посуды и хрусталя. Принцъ сказалъ рѣчь, въ которой розу назвалъ символомъ любви и радости, чистоты и міра. Роза совсѣмъ опьянѣла отъ успѣха и доносившихся до нея винныхъ паровъ. Изъ своей золоченой вазы она слышала восклицанія:

— Ахъ, какая прелестная роза!

На азалии никто не обращалъ и вниманія. Ей страшно хотѣлось, чтобы дроздъ могъ взглянуть на ея торжество, съ тѣмъ, однако, чтобы его сію же минуту съѣла кошка.

Обѣдъ кончился. Хозяйка и гости ушли. Лакеи убрали столы и загасили свѣтъ. Розу оставили на прежнемъ видномъ мѣстѣ. До нея доносились звуки музыки: это танцевали въ сосѣднихъ залахъ.

Надъ нею висѣла люстра съ хрустальными подвѣсками, въ которыхъ сверкали искорки и огоньки, какъ въ брильянтахъ. Роза подумала, что это солнце подошло къ ней. Вскорѣ ей стало жарко и непріятно отъ его близости.

— Не можешь ли ты немного отодвинуться, Солнце? — спросила она.

Люстра была польщена тѣмъ, что ее принимали за солнце, и отвѣтила:

— Я неподвижна. Развѣ ты не знаешь астрономіи?

Роза не знала астрономіи и потому молчала. Жара донимала ее, но все же она стояла на почетномъ мѣстѣ, и потому чувствовала себя счастливой.

Люди приходили и уходили, ѣли, пили, смѣялись, разговаривали и опять уходили танцевать, а на нее теперь никто ужъ не смотрѣлъ. Всю ночь гремѣла музыка, и всю ночь люстра обдавала ее жаромъ.

— Я на почетномъ мѣстѣ,— твердила она себѣ ежеминутно.

Между тѣмъ высокая температура и винные пары донимали ее. Невольно вспомнила она пріятную прохладу стараго сада, гдѣ росли банксіи. Садъ былъ рядомъ, но между нею и банксіями приходилась стѣна и окна были закрыты. Она стояла на почетномъ мѣстѣ, но изнемогала, такъ какъ лучи искусственнаго солнца пронизывали ее насквозь, словно стальныя лезвія. Ночь казалась безконечною. Роза совсѣмъ истомилась.

Она красовалась на своемъ севрскомъ тронѣ, залитая свѣтомъ со всѣхъ сторонъ, а сама думала о темныхъ прохладныхъ ночахъ въ старомъ жилищѣ, даже о черномъ дроздѣ и жалѣла о невозвратномъ прошломъ.

Танцующія пары все входили и выходили, музыка гремѣла и затихала, кругомъ слышался веселый смѣхъ. Роза среди общаго веселья чувствовала себя одинокою, какъ путешественникъ въ пустынѣ.

Время шло. Ночь близилась къ концу. Танцоры больше не являлись, музыка замолкла. Однако люстра по-прежнему горѣла надъ розой и немилосердно жгла ее.

Потомъ настало глубокое молчаніе. Пришли лакеи, потушили всѣ огни и открыли окна, чтобы провѣ

рить комнаты. Ночь уже перешла въ сѣрый сумракъ, предшествующій зарѣ. Подмерзло. Вся трава покрылась инеемъ, и воздухъ казался ледянымъ. Среди наступившаго теперь глубокаго мрака мертвящій холодъ добрался до розы и окуталъ ее словно саваномъ. Она вся содрогнулась.

Ледяной воздухъ, проникшій въ душную жаркую комнату, разстился и кружился бѣловатыми туманными кольцами, словно это были тѣни удалившихся веселыхъ гостей, продолжавшія плясать. Все погрузилось въ какой-то могильный мракъ и холодъ.

Во что теперь обратилось почетное мѣсто? И было ли оно почетнымъ?

Роза пошатнулась и упала. Грубая рука лакея собрала въ кучу ея осыпавшіеся лепестки. Когда на утро ея трупъ пронесли мимо банксіи, которая въ ожиданіи лѣтняго тепла прятали свои почки въ стебелькахъ, то онѣ прошептали другъ другу:

— Ея мечта исполнилась: она достигла величія. Вотъ какъ судьба осуществляетъ нелѣпыя желанія и наказываетъ недовольныхъ!

Колыбельная пѣсня.

*Спятъ серебристыя сосны,
Пологомъ бѣлымъ прикрыты.
Зимнія пѣсни поетъ имъ
Ласково вѣтеръ сердитый:*

*Спите вы, милья сосны,
Баюшки, баюшки, бай,
Скоро весна золотая
Вновь возвратится въ нашъ край.*

*Спитъ безконечное море,
Бѣлою дымкой одѣто;
Какъ серебристыя струны
Полосы луннаго свѣта.*

*Словно поютъ эти струны:
Баюшки, баюшки, бай,
Спи, безконечное море,
Силы для бурь набирай.*

*Въ мягкой своей колыбелькѣ,
Свѣтикъ мой, баюшки, бай!
Спи, мой дружокъ, безмятежно,
Силы для бурь набирай.*

Ө. Арнольдъ.

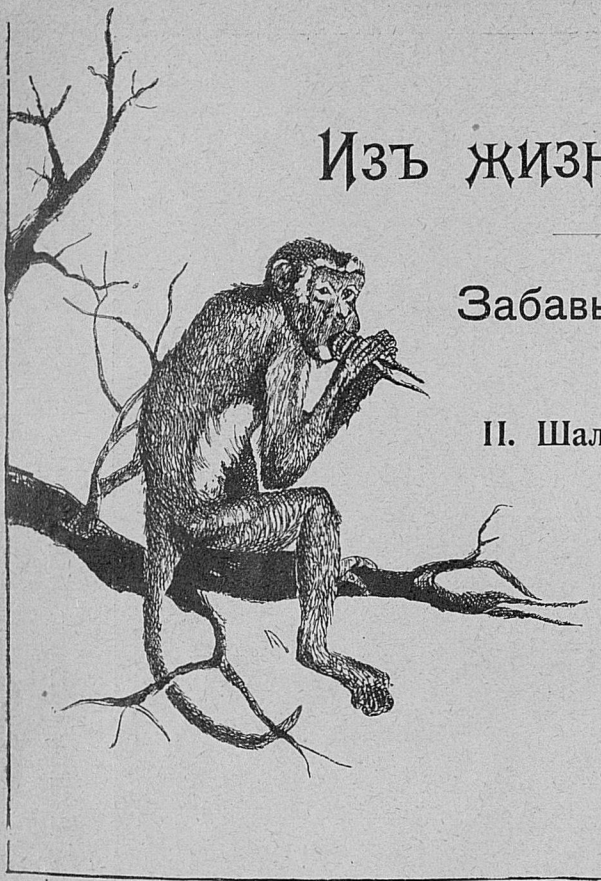

„Баюшки, баюшки, бай!..“

Изъ жизни природы.

Забавы и игрушки у животныхъ

II. Шалости, танцы и игры обезьянъ.

Дѣти часто любятъ играть *въ большихъ*. Дѣвочки изображаютъ кучеронокъ, пекутъ и стрѣляютъ для своихъ куколъ. Мальчики превращаются въ кучера, закладываютъ лошадей, отводятъ ихъ

въ конюшню, даютъ имъ сѣна или овса.

Оказывается, и обезьяны не прочь поиграть *въ большихъ*.

У одного господина была преуморительная шимпанзе. Шимпанзе ежедневно наблюдала, какъ горничная приходила съ тряпкой и перетирала стулья, столы, полки, книги и вещицы.

Это обезьянѣ нравилось. Въ самомъ дѣлѣ, какъ должно быть интересно потерять каждый предметъ тряпкой!..

Какъ-то разъ горничная забыла унести съ собой тряпку. Шимпанзе это замѣтила. Пока горничная находилась въ комнатѣ, обезьяна дѣлала видъ, что тряпка ее совершенно не интересуесть, — совершенно она даже и смотрѣть на нее не желаетъ.

Но стоило только горничной удалиться, наша шимпанзе со всѣхъ ногъ бросилась къ тряпкѣ и давай тереть ею все, что попадало подъ руку.

Прежде всего шимпанзе потерла ею свой животъ. Вышло удачно. Она потерла лапу. И это хорошо!.. Обезьяна потерла ножку у стола, сидѣнье стула, нѣсколько книжекъ, — замѣчательно интересно!

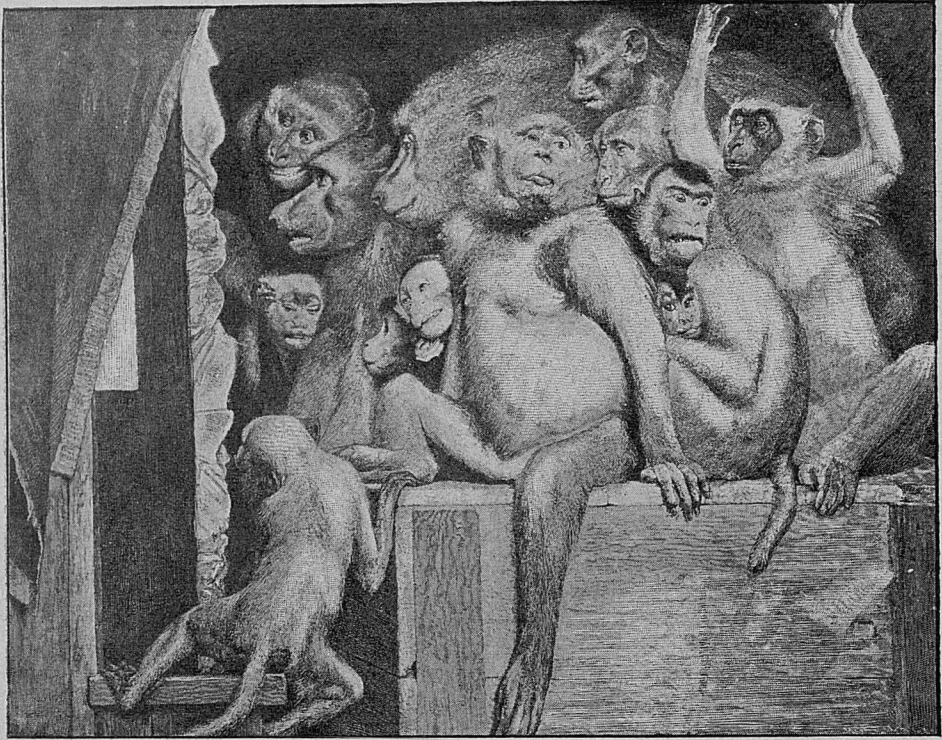
Съ этихъ поръ тряпка сдѣлалась любимой игрушкой шимпанзе. Ею обезьяна забавлялась по цѣлымъ часамъ.

Горничная пробовала отобрать тряпку, но шимпанзе оскаливала зубы и такъ сердито смотрѣла въ это время на прислугу, что та не рѣшалась отнять у обезьяны ея любимую игрушку.

Капуцины, очень подвижныя обезьяны, отличаются большой любовью къ играмъ. Въ одной семьѣ держали капуцина. Обезьяна сильно скучала.

Чтобы хоть чѣмъ-нибудь порадовать несчастную плѣнницу, ей дали яблоко. Обезьяна съ жадностью схватила его, но не съѣла. Изъ яблока капуцинъ сдѣ-

лалъ себѣ...волчокъ. Установила яблоко на одной точкѣ и съ силой вернула его. Яблоко завертѣлось, какъ настоящій волчокъ.

Обезьянка нѣсколько разъ запускала свой «волчокъ» и затѣмъ съѣла его.

Спустя нѣсколько дней капуцину дали апельсинъ и его ставилъ и пускалъ какъ волчокъ. Съ грѣшными орѣхами онъ продѣлывалъ тоже такія же штуки. Словомъ, обезьяна очень любила забавляться волч-

комъ и за отсутствіемъ настоящаго дѣлала изъ каждаго круглаго предмета подобіе волчка.

Другой капуцинъ проявлялъ особую склонность къ качелямъ.

Въ томъ семействѣ, въ которомъ жилъ капуцинъ, было много дѣтишекъ. Для нихъ повѣсили въ одной изъ комнатъ качели. Случайно забрелъ въ эту комнату капуцинъ, усѣлся на качели и съ тѣхъ поръ между обезьяной и дѣтьми шла постоянная война: на качеляхъ хотѣли качаться и дѣти, и капуцинъ, и никто не желалъ уступить мѣсто другому. Обезьяна не уступала дѣтямъ въ любви къ забавѣ.

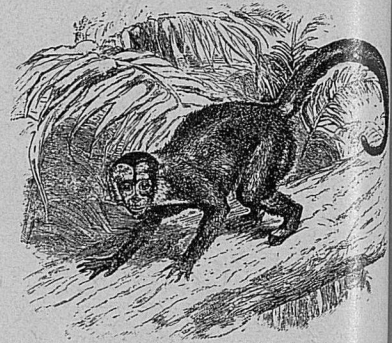
Капуцины не прочь и *побаловаться*. У одной дамы былъ капуцинъ. Его любимой забавой было... ронять и опрокидывать большіе предметы.

Стоить, напримѣръ, стулъ. Вѣдь очень занятно, если опрокинуть его, не правда ли?.. И капуцинъ схватилъ за спинку стулъ и началъ тянуть его къ себѣ. Стулъ наклоняется, вотъ-вотъ онъ стукнетъ по озорнику... Трахъ!.. Это ударился стулъ, но не о капуцина, а объ полъ: капуцинъ разсчиталъ, когда стулъ долженъ упасть, и во-время успѣлъ очень ловко прыгнуть въ сторону.

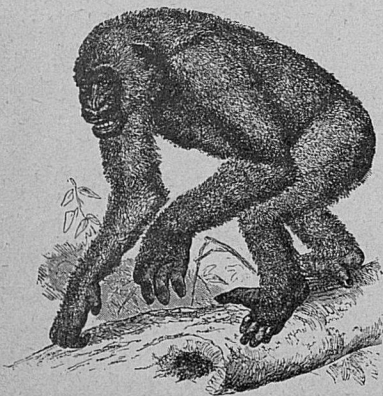
Точно такую же штуку продѣлала обезьяна и съ тяжелымъ умывальникомъ. Она перекувырнула этажер-

ку съ книгами. Пришлось принять мѣры, чтобы отвадить капуцина отъ такихъ забавъ, но обезьяна не унималась. Чуть останется одна, сейчасъ что-нибудь перевернетъ.

Любить побаловаться и неуклюжій орангъ-утангъ. Какъ-то разъ везли орангъ-утанга на кораблѣ. Въ извѣстные часы обезьянѣ давали въ жестяной кастрюлѣ пищу. Въ одну изъ веселыхъ минутъ, когда кастрюля была уже опорожена, орангъ-утангъ надѣлъ ее себѣ на голову. Обезьяну очень забавляла эта шалость. По крайней мѣрѣ, орангъ-утангъ прихорашивался, вытягивалъ грудь, залихватски закидывалъ голову, — ну, словомъ, хотѣлъ показать себя настоящимъ франтомъ въ цилиндрѣ.

Капуцинъ.

Горилла.

Нѣкоторыя обезьяны забавляются... *пляской* и *музыкой*. Пляшутъ самыя большія и самыя сильныя обезьяны — гориллы.

Какъ-то разъ удалось поймать молодую гориллу. Горилла обжилась среди людей и перестала ихъ стѣсняться. Когда обезьяна была

въ хорошемъ расположеніи духа или когда удавалось чѣмъ-либо порадовать ее, горилла принималась хлопать въ ладоши, въ грудь, по бокамъ, кувыркалась, при-топывала ногами, кружилась и раскатывалась въ разныя стороны. Получался какой-то дикій танецъ.

Та же горилла не могла пройти мимо пустого внутри предмета безъ того, чтобы не побарабанить. Увидала горилла пустой ящикъ, — и ну дробь выбивать. Та же исторія повторилась и съ опорожненнымъ боченкомъ. Когда же въ руки обезьяны попалъ, наконецъ, мѣдный тазъ, такъ выстукиваніе продолжалось чуть ли не цѣлый часъ. У всѣхъ звонъ стоялъ въ ушахъ, а гориллѣ ничего, — даже нравилось.

Орангъ-утангъ.

Н. А. Сцворцовъ.

Веселыя странички.

Сами виноваты!..

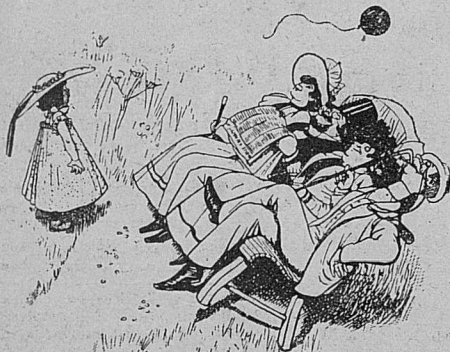
1.

*Жина шарикомъ играла,
Ручка шарикъ упустила,—
Уносить его вдругъ стала
Вверхъ невидимая силс.*

2.

*Дама въ шляпѣ, толстый дядя,
Тетя съ зонтомъ, франтъ съ усами,
Все забывъ и кверху глядя,
Провожали шаръ глазами.*

3.

*Но лишь только шаръ воздушный
Полетѣлъ надъ головами,
Всѣ, назадъ подавшись дружно,
Очутились вверху ногами.*

4.

*И легли въ кропиву прямо,
Виноватые въ томъ сами,—
Толстый дядя, въ шляпѣ дама,
Тетя съ зонтомъ, франтъ съ усами.*

В. Бунтескій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1906 г.

НА ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ЧТЕНІЯ ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ И ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ

ДРУГЪ ДѢТЕЙ

Программа журнала: 1) Рассказы, повѣсти, сказки, пьесы и стихотворенія. 2) Изъ прошлаго. Историческіе рассказы, воспоминанія, біографіи и т. п. 3) **Кругомъ свѣта.** Путешествія по морю и сушѣ и т. п. 4) **Изъ природы.** 5) **Очерки изъ современной жизни,** знакомящіе дѣтей съ выдающимися современными событиями русской и иностранной жизни. 6) **Въ часы досуга.** Шутки, шарады, загадки, игры, музыка, пѣніе. 7) **Смѣсь.**

ПОДПИСЧИКИ ВЪ 1906 г. ПОЛУЧАТЪ:

24 **КНИЖКИ ЖУРНАЛА,** каждая въ объемѣ отъ 4 до 6 печатныхъ листовъ со **множествомъ рисунковъ.**

12 **КАРТИНЪ — СНИМКОВЪ** съ произведеній знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ художниковъ (на альбомной бумагѣ).

12 **„ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ ДѢЯТЕЛИ РОДИНЫ.“** ПОРТРЕТОВЪ НА АЛЬБОМНОЙ БУМАГѢ

Для 1906 г. въ портфель редакціи имѣются новыя произведенія слѣдующихъ современныхъ беллетристовъ: **Вал. І. ДМИТРИЕВОЙ, П. В. ЗАСОДИМСКАГО, А. И. КУПРИНА, Е. Н. ЧИРИКОВА** и др.

КРОМѢ ТОГО, ПОДПИСЧИКИ „ДРУГА ДѢТЕЙ“ ВЪ 1906 г. ПОЛУЧАТЪ:
ИНТЕРЕСНЫХЪ И ПОЛЕЗНЫХЪ ВЪ СЕМЬѢ И ШКОЛѢ

12 **ПРЕМІЙ-ПОДАРОКОВЪ:**

1. **СТѢННОЙ ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ** на 1906 г. съ рассказами, стихотвор., шарадами, загадками, шутками, забавами и полезными свѣдѣніями на каждый день. 2. **ЗАПИСНАЯ КНИЖКА** съ новыми справочными свѣдѣніями (по исторіи, математикѣ и т. д.), необходимыми для учащихся. 3. **ДОМАШНИЙ ТЕАТРЪ,** руководство къ постановкѣ домашнихъ спектаклей, устройству декораций, сцены и т. д. 4. **ЮНЫЙ ДЕКЛАМАТОРЪ,** сборникъ для чтенія на литературныхъ вечерахъ и уграхъ. 5. **ЮНЫЙ ФИЗИКЪ,** простѣйшіе опыты. 6. **ЮНЫЙ ГЕОЛОГЪ,** руководство для геологическихъ экскурсій. 7. **ФОТОГРАФЪ-ЛЮБИТЕЛЬ,** руководство къ занятіямъ фотографіей. 8. **СПУТНИКЪ САМООБРАЗОВАНІЯ,** бесѣды о выборѣ и чтеніи книгъ. 9. **СПУТНИКЪ ЧИТАТЕЛЯ,** словарь наиболее употребительныхъ иностранныхъ словъ. 10. **ДРУГЪ ЖИВОТНЫХЪ,** какъ ухаживать и воспитывать домашнихъ животныхъ и птицъ. 11. **МЕЖДУ ДѢЛОМЪ,** сборникъ новыхъ забавъ, развлеченій, фокусовъ и т. д. 12. **ПАНОРАМА ТРОПИЧЕСКАГО ЛѢСА** для раскрашиванія, вырѣзванія, склеиванія и разстановки.

Въ журналѣ участвуютъ: **Ө. К. Арнольдъ, К. С. Баранцевичъ, Я. В. Борнъ, А. Л. Бостромъ, И. А. Бѣлюсовъ, О. Волжанинъ, Е. В. Выставкина, Ч. Вѣтринскій, В. І. Дмитриева, П. П. Дружининъ, Н. В. Желиковская, проф. И. И. Ивановъ, Д. Н. Крачковскій, А. И. Купринъ, Л. А. Лиданова, К. В. Лукашечъ, Д. П. Маминъ-Сибирякъ, С. П. Мельгуновъ, И. И. Митропольскій, В. И. Немировичъ-Данченко, проф. А. М. Никольскій, Н. М. Никольскій, П. И. Позняковъ, С. Д. Протопоповъ, свѣщ. Г. С. Петровъ, В. А. Поповъ, А. В. Погожева, А. В. Скаловъ, Н. А. Скворцовъ, В. А. Смирновъ, Г. Т. Сѣверцовъ (Полиловъ), Б. А. Тихоновъ, Н. В. Тулузовъ, П. В. Филоновъ (Дружинъ), Н. Фольбаумъ, А. Н. Ульяновъ, Л. И. Уманецъ, Л. Б. Хавкина, А. Чеглокъ (А. А. Усовъ), Н. В. Чеховъ, Е. П. Чириковъ, О. Н. Чюмина и мн. др.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

5 съ пересылкой и доставкой **НА ГОДЪ**
РУБ.

ДОПУСКАЕТСЯ РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ 2 р., къ 1 апрѣля 2 р. и къ 1 іюля 1 р.

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ
съ платой 30 к. за стр. петита позади текста.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ:
Москва, Литницкая улица, домъ Т-ва
И. Д. Сытина.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

3 съ пересылкой и доставкой **НА 1/2 ГОДА**
РУБ.

Издатель **И. Д. Сытинъ.**

Редакторъ **Н. В. Тулузовъ.**

Открыта подписка на 1906 г.

== НА НОВЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ ==
ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО (6—9 лѣтъ) ВОЗРАСТА

ПЧЕЛКА.

Журналъ ставитъ задачей заронить въ юныя сердца своихъ читателей сѣмена гуманности, добра и правды и помочь дѣтямъ младшаго возраста постепенно ознакомиться съ окружающими ихъ явлениями. Для осуществления этой задачи журналъ будетъ пользоваться и произведениями современныхъ дѣтскихъ писателей и систематическимъ подборомъ изъ произведеній русскихъ и иностранныхъ классиковъ всего того, что доступно развитію и возрасту юныхъ читателей.

Придавая въ дѣлѣ воспитанія и обученія важное значеніе принципу наглядности, редакция дастъ въ журналѣ широкое примѣненіе этого принципа, въ виду чего текстъ статей будетъ обильно иллюстрированъ рисунками и снимками съ произведеній русскихъ и иностранныхъ художниковъ.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1. Разказы, повѣсти, сказки, легенды, пьесы и стихотворенія.	4. Дома и въ чужихъ краяхъ. Выдающіяся событія.
2. Біографіи, воспоминанія, историческіе очерки и картинки.	5. Знакомство съ природою и ея жизнью.
3. Путешествія по Россіи и другимъ государствамъ, странамъ и мѣстностямъ земного шара. Этнографическіе очерки и картинки.	6. Занятія, игры, шарады, загадки, музыка, пѣніе и рисованіе.
	7. Смѣсь. Шутки, комическія картинки и т. п.

Подписчики въ 1906 году получаютъ:

24 КНИЖКИ ЖУРНАЛА,

какими. Крупный и четкій шрифтъ.

со многими иллюстраціями и полосными рисунками.

12 ПРЕМІЙ-ПОДАРОКОВЪ

имѣющія своей цѣлью дать дѣтямъ возможность заполнить свой досугъ съ интересомъ и пользой, въ виду чего редакция при выборѣ премій будетъ останавливаться на тѣхъ изъ нихъ, которыя безусловно содѣйствуютъ развитію въ дѣтяхъ вниманія изящества и любви къ труду.

главнымъ образомъ игры, забавы, занятія,

Первый номеръ „ПЧЕЛКИ“ желающимъ высылается за 2 семикоп. марки.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

на годъ

съ доставкой и пересылкой

3 Р.

Допускается разсрочка:

при подпискѣ—1 р., къ
1 апрѣля—1 р. и къ
1 іюля—1 р.

Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая ул., д. Т-ва И. Д. Сытина.

Издатель И. Д. СЫТИНЪ.

Редакторъ Н. В. ТУЛУПОВЪ.

